

29. Программа курса «Всеобщая история культуры: Искусство эпохи Возрождения». Свердловск, 1985. (в соавт. с Т. А. Руневой).
30. Методические указания по применению ТСО в спецкурсе «Искусство и религия». Свердловск, 1986. (в соавт. с Т. А. Руневой).
31. Всеобщая история культуры: Методические указания. Свердловск, 1987. (в соавт. с Т. А. Руневой).
32. Всеобщая история культуры. Новое время: Методические указания. Свердловск, 1987. (в соавт. с Т. А. Руневой).
33. Искусство и религия: Программа спецкурса для студентов философского факультета. Свердловск, 1988. (в соавт. с Т. А. Руневой).
34. Всеобщая история культуры: Программа курса // Учебный план, программы и планы спецкурсов кафедры философии ИПК. Свердловск, 1991.
35. История и теория культуры: программа курса. Культура Нового времени. Екатеринбург, 1991. (в соавт. с Т. А. Руневой).
36. Профессионально-образовательная программа курса «Всеобщая история культуры». Екатеринбург, 1994. (в соавт. с Т. А. Руневой).
37. Шекспир и мировая культура. Программа спецкурса. Екатеринбург, 1998.
38. Пушкин и русская культура. Программа спецкурса. Екатеринбург, 1998.
39. Свобода как принцип жизни и творчества А. С. Пушкина // XXI век: будущее России в философском измерении: Материалы Второго российского философского конгресса. Екатеринбург, 1999.
40. «Он вечно тот же, вечно новый» // Известия Уральского государственного университета. 1999. № 11. К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина.
41. «Союз волшебных звуков, чувств и дум» // Заветы Пушкина. Гл. 3. Екатеринбург, 1999.

Е. В. Рыльцев

«СВЕРДЛОВСКИЙ ЛЕНИН»

Аннотация. Статья представляет собой воспоминания о Данииле Валентиновиче Пивоварове. «Свердловский Ленин» – так называл его доктор философских наук Владимир Федорович Сетьков. Рассказывается, каким добрым наставником был Даниил Валентинович во время работы автора статьи над кандидатской диссертацией, какие давал ценнейшие советы.

Ключевые слова: логика, вера, постулат, логическое древо, логическое пространство, догма, оксиромма, силлогизм, симфоника, познание.

Впервые Даниила Валентиновича Пивоварова я увидел около сорока лет назад. Тогда я был, как и подавляющее большинство советских людей, убежденным атеистом. В то время Свердловский обком партии два раза в год проводил семинары по научному атеизму. И вот однажды, перед тем как в очередной раз поехать на полюбившийся мне семинар, я разговорился с Владимиром Федоровичем Сетьковым. Мы оба окончили физико-математический факультет Нижнетагильского педагогического института, причем, когда я только учился на первом курсе, Владимир Федорович обучение уже заканчивал. К тому времени, когда я стал посещать областные атеистические семинары, он либо уже стал кандидатом философских наук, либо был близок к этому. Узнав, что я собрался поехать в столицу Урала, он сказал: «В Свердловске живет и работает очень талантливый философ – Даниил Валентинович Пивоваров – "Свердловский Ленин"».

Это была высочайшая оценка. В системе философского образования, построенной в Советском Союзе, самыми величайшими мудрецами в истории Человечества назывались Маркс, Энгельс и Ленин. Конечно, Платон и Аристотель, Кант и Гегель тоже считались великими философами, но, как старались убедить советских людей, до тех троих им было весьма далеко. Лично я в те времена в истинности именно такой вершины философской пирамиды ни на минуту не сомневался. Авторы книг старались доказать, что для решения любого важнейшего философского вопроса домарксистские мыслители сделали весьма много, но для истинного понимания им не хватало чего-то очень важного, и этот существенный шаг к истине сделали именно Маркс и Энгельс, а развил их идеи Ленин. Поэтому сравнить философа с Владимиром Ильичем, пусть и в масштабах Свердловской области, значило превознести его до небес. Как я впоследствии понял, оценка оказалась не только высочайшей, но и справедливой.

И вот я отправился на семинар. Привычный зал. Слушателей, как обычно, очень много. В президиуме пять-шесть человек: один совсем молодой, кудрявый, с короткими усиками, остальные – убеленные сединой старцы. Мне сказали, что в президиуме сидит Пивоваров. «Но кто же? – гадал я. – Не этот же молодой человек!».

Наконец, для выступления пригласили Даниила Валентиновича Пивоварова. Каково же было мое потрясение, когда с места встал

этот самый молодой человек и направился к трибуне. «Так вот он какой, "Свердловский Ленин"!», – подумал я. Лекция посвящалась логике и была блестяще прочитана.

Когда объявили перерыв, я пошел искать Даниила Валентиновича, и мы встретились на лестнице. Я обратился к нему и сказал: «Вы говорили очень логично». «Логично?» – переспросил он. «Ваша логика – выпуклая», – восхищенно ответил я. Он поблагодарил меня, и на этом разговор закончился.

Прошло более двадцати лет. Я созрел для того, чтобы начать работу над кандидатской диссертацией по философии. Нужно было найти тему и научного руководителя. Я обратился за помощью к Владимиру Федоровичу Сетькову, который к тому времени был уже доктором философских наук. Он сказал, что много интересного можно открыть, изучая проблемы, связанные с верой, и посоветовал мне для начала полистать работы Канта, Гегеля, Владимира Соловьева. Он также выразил уверенность, что будет очень хорошо, если моим научным руководителем станет Даниил Валентинович Пивоваров.

Я принялся читать Канта, но никаких собственных мыслей у меня не появилось. В отчаянии бросил и переключился на Гегеля. То же самое. Потом, уже судорожно, взялся за Владимира Соловьева. Тот же результат.

За этим чтением прошло несколько месяцев. Владимир Федорович во время очередной поездки в столицу Урала, уже Екатеринбург, рекомендовал меня Даниилу Валентиновичу, который любезно согласился быть моим научным руководителем. Это известие меня несказанно обрадовало.

Вскоре я поехал на встречу, которая положила начало нашему многолетнему сотрудничеству. Я сразу же узнал Даниила Валентиновича. Тот же мудрый взгляд, то же доброе лицо, те же короткие усики, правда, кудрей уже не было. Я сказал, что намерен исследовать проблемы, связанные с верой. Даниил Валентинович согласился и предоставил мне полную свободу творчества. Он подарил мне свою тоненькую книгу – «Вера и знание в религии и науке». Всего сто страниц, но именно после знакомства с ними ко мне стали приходить собственные философские идеи, и их собратья беспокоят меня до сих пор. Вот так и получилось: Канта читал, Гегеля читал, Соловьева читал – и ничего своего не надумал, а прочел Пивоварова – и сразу же прилетели первые ласточки. Начались мои поездки в Екатеринбург к Даниилу Валентиновичу, и после каждой встречи я возвращался домой на крыльях радости.

В скором времени одна философская идея пришла ко мне во время разговора со Свидетелем Иеговы из Польши. Хорошо изучив русский

язык, он приехал в Россию проповедовать Слово Божие. Он сказал, что Библию может понять каждый здравомыслящий человек. Я возразил, вспоминая эзотерическую традицию в Иудаизме: «Библия очень сложна, содержит несколько уровней толкования, и в том числе, тайные». Он утверждал: «Стихи Библии следует понимать буквально, иногда символически, но у Бога нет тайн от человека». Я не соглашался: «Многие стихи зашифрованы и заключают в себе тайны, которые теряются при переводе Библии на другие языки, и поэтому полнота смыслов заключается в Писании именно на языках оригинала».

Никто из нас не уступал. И вдруг во время этого разговора я осознал, почему мы не понимаем друг друга, почему как будто говорим на разных языках. Потому что в своих рассуждениях руководствуемся различными фундаментальными идеями, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Мы как будто ходим по разным дорогам, которые не пересекаются, и поэтому не можем встретиться. Я вспомнил историю с пятым постулатом Евклида, который математики тщетно пытались доказать почти две тысячи лет, пока Лобачевский, Гаусс и Больцано не осознали, что он недоказуем. Оказалось, что в зависимости от того, какой постулат о параллельных принимается без доказательства: Евклида, Лобачевского или Римана, — строится соответствующая непротиворечивая геометрия. То же происходит и с пониманием Библии. Если принять, что она содержит один уровень толкования, логичными будут размышления Свидетелей Иеговы. Если признать, что Библия заключает в себе несколько уровней толкования, логичными окажутся рассуждения иудейских мыслителей.

Так я пришел к выводу, что каждая религия имеет свою логику: есть логика Иудаизма, есть логика Христианства, есть логика Ислама. Я написал об этом статью и с ней приехал к Даниилу Валентиновичу. Он опроверг все мои рассуждения. Его критика была весьма строгой, но столь же справедливой и доброжелательной. Даниил Валентинович говорил очень долго, можно сказать, прочел мне целую лекцию о логике, причем, настолько интересную, что мне захотелось использовать эту науку во всех своих дальнейших исследованиях.

Я понял, что был не прав, приписывая каждой религии особую логику. В скором времени я осознал, что у каждого религиозного учения, как, впрочем, и философского учения, и научной теории, есть не своя особенная логика, а своя особенная совокупность недоказуемых фундаментальных положений, понятий и, следовательно, важнейших выводов. Эту совокупность можно назвать логическим древом, и по этим древам можно отличать учения и теории, как людей по отпечаткам пальцев. С каждым логическим древом связана своя

собственная совокупность авторитетных источников, и этот конгломерат также является особенным для каждого учения или теории. Его можно назвать логическим пространством. Когда я в следующий раз после провального визита приехал к Даниилу Валентиновичу с идеями логического древа и логического пространства, он эти идеи одобрил.

Итак, у каждого философского, религиозного учения и научной теории имеются свои особенные фундаментальные положения, которые принимаются без доказательства. Таковы, к примеру, христианский Символ Веры, законы диалектики, аксиомы евклидовой геометрии. А это означает, что все учения и теории разумно исследовать с общих позиций и для этого их фундаментальные положения обозначать общим термином. Но каким? Вскоре после того, как я осознал данную родственную связь между учениями и теориями, мне встретился Владимир Федорович Сетьков, и мы разговорились. Он поделился интересной мыслью из прочитанной статьи: следует пересмотреть понимание того, что такое догма. Научные принципы тоже можно называть догмами, поскольку они принимаются без доказательства. Но в таком случае к этому термину надо относиться без той негативной оценки, которая господствует в ученом мире. И с таким пониманием догмы я согласился.

Итак, фундаментальные положения философских, религиозных учений и научных теорий принимаются без доказательства, и поэтому их разумно исследовать с общих позиций и называть догмами. С этой идеей, воплощенной в очередной статье, я приехал к Даниилу Валентиновичу. Он в целом согласился, но внес важное предложение. «Такое понимание догмы будут критиковать и богословы, и ученые. Зачем гусей дразнить? Надо придумать какой-нибудь нейтральный термин», – сказал Даниил Валентинович.

Я от корки до корки просмотрел «Греческо-русский словарь Нового Завета». И самым подходящим словом мне показалось древнегреческое «оксирóма», что означает «твердыня». И действительно, фундаментальные положения являются теми твердынями, на которых строятся учения и теории. Даниилу Валентиновичу это слово понравилось. Так и получилось, что мы совместно предложили новое понятие – «оксирома». Надеюсь, что оно в теории познания приживется.

Я написал несколько статей, и всякий раз оказывалось, что очередная посвящалась логике. Название этой науки в моем сознании соединилось с тем понятием, с которого начались мои исследования под руководством Даниила Валентиновича, – «вера». Так постепенно

у меня складывалось предположение, что можно построить особую «логику веры». Она будет теорией силлогизмов, в которых, по крайней мере, одной из посылок может быть суждение, принимаемое на веру. Несколько раз приходилось менять названия, подбирая более точные: «догматическая логика», «мистическая логика», «фидеистическая логика» (от латинского слова «фидес», что означает «вера»).

Прошли годы. Текст диссертации был готов. Настал день предзащиты. Одним из оппонентов был логик, кандидат философских наук Алексей Геннадьевич Кислов. Работу он подверг самой жесткой критике. «Поставленные задачи соответствуют докторской диссертации. Но все, что касается логики, плохо и ужасно», – вынес он свой суровый вердикт. Следует рассказать, с какой энергией и страстью стал защищать меня Даниил Валентинович. У него с Алексеем Геннадьевичем получилась такая жесткая полемика, что когда я вышел из аудитории после провальной предзащиты, меня трясло, как в лихорадке.

Из трех оппонентов двое высказались против диссертации. Я был в отчаянии. Столько лет работы, и все пошло прахом! Даниил Валентинович стал меня успокаивать и высказал замечательную идею. «Видимо, «логика веры» не есть логика в полном смысле этого слова. Быть может, разумно подобрать новый термин?», – предложил он. Я поблагодарил его за эту идею, и мы попрощались до следующей встречи.

Алексей Геннадьевич не только высказал отрицательное отношение к диссертации. Он еще сделал весьма важные критические замечания, записал их и даже составил список литературы. И за его справедливую и ценную критику я ему очень благодарен.

Мое подавленное состояние длилось целый месяц. И вдруг постигло озарение. Жесткая критика опять возымела свое положительное действие. Идеи следовали одна за другой. Стал обрисовываться эскиз новой методологии познания. Я стал искать ей название, вспомнив совет Даниила Валентиновича. Снова пришел на помощь «Греческо-русский словарь Нового Завета», который я опять просмотрел от корки до корки. И нашел подходящее слово – «симфоника» – от древнегреческого «симфонеон», что означает «взаимное согласие». Этот термин Даниилу Валентиновичу тоже понравился.

Место сомнительной «логики веры» заняла симфоника – особый путь познания. Известны и хорошо исследованы три пути познания – чувственный, рациональный и интуитивный (мистический). Но возможен и четвертый путь – познание через согласие – гармоничное согласие в собственном сознании между различными философскими, религиозными учениями и научными теориями. Я предложил

несколько принципов такого познания. Даниил Валентинович добавил еще несколько, показав новый аспект симфоники, о котором я и не помышлял, – методология толерантного спора. Эти принципы, предложенные Даниилом Валентиновичем и мной, а также связанные с ними необходимые понятия, и составили основу симфоники. Приблизительно через полтора года после неудачной предзащиты прошла успешная защита диссертации.

Так мой дорогой и любимый Учитель Даниил Валентинович Пивоваров помог мне найти свой путь в философии.

З. Е. Чернышкова

ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ИСКУССТВА НА УРАЛЕ: ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ Т. А. РУНЕВОЙ

Рунева Татьяна Анатольевна – это выдающийся человек. Я счастлива с ней была работать и радуюсь нашей сегодняшней дружбе. Главный специалист по истории невянской иконы, основатель факультета искусствоведения и культурологии, первый декан данного факультета, коллега по кафедре религиоведения, замечательный человек. В сборнике к 30-летию кафедры хотелось бы отметить ее вклад в изучение религии.

Татьяна Анатольевна родилась в 1943 г. в городе Кыштыме Челябинской области. В 1970 г. закончила отделение истории искусств филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. В этом же году поступила на работу в университет на кафедру эстетики и научного атеизма. С 1974 по 1977 гг. обучалась в аспирантуре на кафедре, которую закончила с представлением диссертации «Диалектика освоения художественного и религиозного мира» (09.00.04 – эстетика).

В 1977 г. продолжила работу на кафедре эстетики и научного атеизма философского факультета. В 1979 г. защитила кандидатскую диссертацию в Ленинградском государственном университете им. М. Ломоносова с присвоением ученой степени кандидата философских наук. С 1982 г. – доцент кафедры эстетики и научного атеизма. С 1986 г. – доцент кафедры истории и философии религии.

С 1991 по 2000 гг. – декан факультета искусствоведения и культурологии и доцент кафедры истории и философии религии. С 2000 г. – доцент кафедры истории и философии религии. 2005–2009 гг. доцент кафедры религиоведения. С 1997 по 2004 гг. – Председатель комиссии